

Глава 1. Контракт

Контракт завершен, немедленно исполнить!

Контракт завершен. Парящие в воздухе листок с рунами контракта и магические руны контракта превратились в клубы дыма, которые, клубясь, закружились в воздухе наподобие цветочного венка, вернувшись в зрачок правого глаза. В соответствии с неким непостижимым законом они закружились, стягиваясь в сияющие вертикальные зрачки, и яркий свет в конце концов успокоился, превратившись в обычный черный зрачок.

В хрустальном шаре, содержащем душу, от плененной души уже не осталось и следа. Как только были выполнены все условия и в тот самый миг, когда тело Сновидца погибло, сила контракта заставила хрустальный шар впитать все, что подпитывало эту душу, вернув ее к первоначальному состоянию и позволив покинуть это мрачное и замкнутое пространство.

Оставленная ею сила души целиком заполнила хрустальный шар, источая мягкое бледно-голубое свечение. Хоть оно и было спокойным, один лишь взгляд на него позволял ощутить заключенную в нем мощь. И благодаря этому свечению удалось осветить уголок того крошечного мрака.

Хрустальный шар сжимала худая рука. В холодном сиянии шара невозможно было разобрать, была ли кожа бледной или просто белой, но у основания большого пальца серебром вспыхивали прожилки, похожие на листья ивы. Казалось, они управляли белой, сгустившейся в комок энергией внутри шара, вытягивая ее в нити, словно у шара проросли серебристо-белые корни. Владелец руки положил его на кровать, на которой, судя по всему, кто-то спал. Из-за тусклого света единственного хрустального шара удавалось разглядеть лишь самые общие, смутные очертания, словно наблюдаешь за леопардом через трубку.

Вытянувшийся серебристый свет казался осмысленным или же просто притянутым — он потянулся к человеку на кровати и, соприкоснувшись с кожей, медленно впитался в нее, непрерывным потоком уходя внутрь, пока все свечение не померкло и не исчезло. Человек на постели тоже вспыхнул едва заметным отблеском, который тут же угас, и вокруг снова воцарилась темнота.

Но даже этого мгновения хватило, чтобы вокруг все стало отчетливо видно.

Это была спальня. На стуле у кровати сидел согбенный мужчина. За столь короткое время можно было увидеть крайне мало, но даже это мгновение раскрывало одну истину: вся окружающая тьма исходила от лежащего на постели человека!

Изливающаяся наружу тьма, казалось, исторгала эту спальню из мира, заставляя ее существовать обособленно.

Донесся вздох — а может, то была лишь галлюцинация. Все произошло, и в то же время ничего

не случилось. Во тьме раздался шорох одежды. Прошло ли много времени или не минуло и секунды — в воздухе наконец возникла рябь.

Во тьме вспыхнул призрачно-синим светом огонек, символизирующий душу.

Хотя этот свет был бесконечно мягок и не шел ни в какое сравнение с тьмой — казалось, еще секунда, и его поглотит мрак, — он странным образом рассек темноту, пусть и освещал лишь ничтожно малую область.

— Где это? — подала голос душа. В сплошной темноте она ничего не видела и полагалась лишь на слух.

— Тебе не нужно знать, — ответил ей бесчувственный голос.

Он звучал исключительно холодно, и в нем нельзя было расслышать ни капли эмоций. Голос был необычайно приятным, мужским, напоминающим звон нефритовых пластин или журчание родника среди камней.

— Я помогу тебе пройти сквозь сон.

— Только не бесплатно, — продолжил голос. — Заключим соглашение через контракт: когда твои условия будут выполнены, ты оставишь всю свою силу души.

— А уж как все будет исполнено — не то, о чем тебе стоит беспокоиться. — Голос произнес это на одном дыхании, но призрачно-синий огонек души затрепетал бесчисленное множество раз и перебил говорящего на полуслове: — Я хочу заключить контракт!

Этот человек способен провести через сон! Неужели он действительно дождался этого дня! Пусть и не бесплатно, пусть требуют самую сердцевину его души — он не колеблется ни на мгновение! Душа была потрясена до глубины души: она пребывала на самом дне пучины отчаяния, раз за разом барахтаясь в ней...

Лишь бы удалось пройти сквозь сон, он с радостью отдаст все!

Глас словно бы снова вздохнул. Похоже, на этот раз правила объяснять до конца не придется.

— Каково твоё условие? — Голос оставался звонким, а тон — ледяным и безжалостным. — Подумай хорошенько: второго шанса у тебя не будет, как и возможности взять свои слова назад.

Несмотря на столь предостерегающие слова, душа нетерпеливо выпалила своё требование: — Господин... Пусть даже единожды, но я хочу стать его человеком, а напоследок умереть ради

него.

— Я лишь проведу тебя сквозь сон, но поистине твоим я никогда не стану — тебе это понятно?
— задал вопрос голос. Пламя души качнулось вверх-вниз и ответило: — Понимаю.

Тогда голос умолк. Зрачки мгновенно сузились и превратились в вертикальные щели, в которых жутковато отражалось напротив мерцающее синее пламя души.

Голос произнес некие слова, исполненные странного ритма. Вертикальные зрачки бешено завращались, образовав синий цветочный венок, который выстрелил из глаз наружу. В воздухе венок слегка распустился, обнажив пространство размером с блюдце. Поразительно, но в воздухе этот цветочный венок был отчетливо виден: лепестки словно ожили и сами собой превратились в магические руны. Эти руны несли в себе неоспоримое божественное могущество — стоило заключить контракт, как не оставалось иного способа расторгнуть его, кроме как исполнить. Вскоре они сформировали листок бумаги для контракта.

На нем уже аккуратно и ровно были записаны пункты соглашения.

[Контракт о передаче силы души]

[Сторона А: Сновидец; Сторона Б: Чжуан Фэй (душа)]

[Содержание контракта: Сторона А выполняет контрактные обязанности согласно требованиям Стороны Б. После исполнения обязанностей сила души Стороны А или Стороны Б распределяется пропорционально степени выполнения.]

[Условия Стороны Б: 1. Близкая связь с Чжуан Цинхуном один раз. 2. Умереть ради Чжуан Цинхуна.]

Душа остолбенело смотрела на слова умереть ради, и в сердце ее поднялась неизбывная скорбь. Яркость призрачно-синего пламени возросла, и душа добавила еще одно условие: — Я хочу умереть так, чтобы это имело ценность.

Тогда текст на контракте вновь изменился, и второе условие приняло следующий вид: [Умереть ради Чжуан Цинхуна, умерев достойно.] По завершении изменений голос произнес: — Теперь ты доволен?

Душа качнулась вверх-вниз, выражая удовлетворение.

— Итак, контракт заключен и вступает в силу немедленно.

В тот самый момент, когда раздался этот голос, паривший в полувоздухе листок с рунами контракта превратился в язычок иссиня-черного пламени, которое пару раз взметнулось и растаяло в кромешной тьме ночи.

В ту же секунду призрачно-синее пламя втянулось в хрустальный шар, отчего тот заблестел еще чище и ярче. За мгновение до того, как его поглотило, душа произнесла: — Надеюсь, ты поможешь мне как можно скорее, вся надежда на тебя.

— Мм, — отозвался голос.

Хвост звука еще не успел затихнуть, как оборвался. Некогда колебавшееся черное пространство замерло, казалось, даже время перестало течь. Хрустальный шар в тот же миг, когда голос удалился, потускнел, словно наполнившись примесями.

И все это произошло менее чем за пять минут.

Еще один жалкий человек, который даже перед лицом смерти не желает отпустить самого себя и не хочет отпускать других. Впрочем, сам он не намного удачливее их.

Все они вечно играют игрушками в руках судьбы и борются в состоянии крайнего ожесточения.

И он тоже шагает по верной дороге.

Глава 2. Взгляд на ничтожность

Очнувшись вновь, он обнаружил себя в качающейся обстановке — это была донельзя убогая тележная повозка.

Чжуан Фэй мгновенно осознал, на каком этапе находится, где пребывает и с чем ему предстоит столкнуться.

Коснувшись правого глаза, Чжуан Фэй активировал контракт. Сила контракта немедленно открыла ему первоначальный, объективный ход событий в этом мире. При активации контракта хрустальный шар начинает работать, сохраняя силу души вплоть до завершения контракта, когда все исполнится согласно его условиям.

В том темном жилище Чжуан Фэй был абсолютным владыкой: стоило лишь приманить душу, как он мог увидеть нить судьбы, пройденную ею при жизни.

Однако одного лишь субъективного мира души было далеко недостаточно для того, чтобы исполнить условия контракта. Стоило перенестись в мир сновидения и снова официально активировать договор, как он передавал ему объективную реальность.

И теперь Чжуан Фэй трясся в убогой повозке вместе с шестью или семью другими детьми, ожидавшими той же участи продажи, — работоторговцы на законных основаниях доставляли их в

знаменитый квартал красных фонарей.

Этот мир не упоминался в известных Чжуан Фэю исторических хрониках, но в сердце «Чжуан Фэя» он казался неизъяснимо реальным — то была вымышленная древняя феодально-автократическая империя.

Великая Чжоу. Великое Чжоу было могущественной державой, где царили мир и порядок, а все соседние малые страны признавали вассальную зависимость — словом, это можно было назвать золотым веком.

Но какой бы мощной ни была страна, в ней не обходилось без усобиц и грызни между придворными чиновниками. Причины бывали разными — от банального несоответствия интересов до их прямого столкновения. В конце концов, все в подлунной суетятся ради выгоды, и все ради нее же спешат вовне. Именно на таком фоне и разворачивается эта история. Бывший премьер-министр рухнул под жерновами подобной политической борьбы, будучи оклеветанным в коррупции, взятках и торге государственными должностями. Закованный в колодки, он прошел по улицам под улюлюканье толпы. Разве уцелеет хоть одно яйцо, когда рушится гнездо? Хотя его род не был вырезан полностью лишь потому, что преступление не тянуло на столь суровую казнь, кровных родственников разжаловали в подневольных грешников и сослали на дикий Юг. Что же до законнорожденных сыновей и дочерей, всех их записали в рабские списки и отправили в Обитель забвения. Чжуан Цинхун, в которого был так сильно влюблен Чжуан Фэй, являлся законным сыном бывшего премьера Чжуан Шусюя и приходился тому третьим по старшинству.

В поместье Чжуана Чжуан Цинхун не пользовался любовью и благосклонностью. Поскольку при его рождении мать истекла кровью и умерла, старый премьер возненавидел сына за это дурное предзнаменование. Даже имя ему дали — Цинхун, Легкий Слово Пушинка Гусь, — что ясно показывало, до какой степени тот был ему противен, и на него изначально не возлагали никаких надежд. И всё же, будучи сановником при дворе и опасаясь упреков в том, что он не различает законных жен и наложниц, а потому не умеет вести хозяйство, отец не лишил его положенного образования. Однако издеательства со стороны сводных братьев, мачехи и наложниц стали для юноши привычным делом: пока не дано повода для обвинений, наказывать могли даже за вымышленную провинность.

Получая такое же образование, как и другие законные сыновья, в самом доме он жил хуже любого из побочных детей.

Лишь когда Чжуан Шусюй пал, Чжуан Цинхун вместе с остальными четырьмя братьями и сестрами отправили в Обитель забвения.

Обитель забвения представляла собой квартал красных фонарей, бордель. Рабские списки означали лишь подневольный труд в этом месте, тогда как те, кто числился в низших сословиях, становились проститутками. В тот момент в сердце Чжуан Цинхуна даже таилось злорадство — он и без того питал ненависть к Чжуан Шусюю и прочим. Он прекрасно понимал, что случившееся станет для него сокрушительной катастрофой, однако не испытывал отчаяния.

В клане Чжуан действовали жесткие семейные устои, и вся его сообразительность и таланты неизменно разбивались о непреложные правила и сыновнюю почтительность. Конечно, и в Обители забвения ему выпало немало испытаний, но он превосходно умел носить маску и даже сумел очаровать некоего князя, благодаря чему занял там особое, возвышенное положение. Впоследствии он втайне собирал доказательства невинности Чжуан Шусюя, готовясь вернуть свое благородное происхождение.

Ему вовсе не хотелось заниматься этим, однако иного выбора у него не оставалось. К тому же премьер скончался от болезни на юге, а Чжуан Цинхун вовсе не желал, чтобы плоды его тяжелого труда достались кому попало. Пуская в ход хитроумные планы один за другим, он добился того, что его кровные братья и сестры одна за другой приняли страшную смерть — как раз за те прегрешения, которыми они некогда его попрекали и очерняли.

Никто из тех, кто унижал его в прошлом, не избежал расплаты.

Чжуан Цинхун не был добрым человеком, но у него действительно имелся выдающийся талант. Собственными усилиями он не скатился до положения презренной блудницы, все необходимые доказательства уже оказались у него в руках, и возвращение доброго имени было делом решенным. Он жаждал вновь выйти на госслужбу.

Однако судьба так любит играть с людьми. О том, что он тайком собирал доказательства, узнал Князь. Он посчитал, что Чжуан Цинхун водил его за нос, а поскольку он уже успел привязаться к Чжуан Цинхуну, то почувствовал себя преданным. В гневе он уничтожил все улики, избил Чжуан Цинхуна почти до полусмерти и силой заставил его внести своё имя в цзяньцзи!

Чжуан Цинхун возненавидел Князя, но затаил обиду и не подавал вида. Постепенно он понял, как важна власть, и поклялся подняться над остальными людьми. В конце концов после череды событий Князь по-настоящему влюбился в Чжуан Цинхуна. Однако улики были уничтожены, и сожалеть было поздно — император не стал бы менять свои указы. Узнав эту правду, осознав, что у него больше нет шансов поступить на госслужбу, Чжуан Цинхун, казалось, смирился, привык к жизни в Земле Забвения и даже стал хуакуем. Позже один из удельных князей тоже влюбился в него с первого взгляда, но Чжуан Цинхун остался холоден к его чувствам. Прежний Князь, снедаемый раскаянием, окружал Чжуан Цинхуна всяческой заботой, и в конце концов тот согласился выйти за него. Несмотря на это, никто не видел его особенно счастливым. Князь взял его в жёны в обход всех правил, а опасаясь, что в столице Чжуан Цинхуну будет тяжело избавиться от тяжёлых воспоминаний, уехал с ним в свой удел, где они зажили свободной парой супругов. Хотя они и возвысились над простыми людьми... никто не знал, что на самом деле творилось в душе у Чжуан Цинхуна.

Такова была эта история.

Чжуан Фэй играл в ней второстепенную роль.

Изначально Чжуан Фэй был слугой Чжуан Цинхуна, простым низшим разнорабочим, которого тот когда-то случайно спас. С тех пор как он себя помнил, он носил статус раба и никогда не

видел столь благородного и прекрасного человека, как Чжуан Цинхун. И хотя положение Чжуан Цинхуна было двусмысленным, Чжуан Фэй был предан ему всей душой — не только из благодарности за спасение, но и потому, что, ухаживая за Чжуан Цинхуном, влюбился в него. Позже, когда единокровный брат Чжуан Цинхуна подстроил тому обвинение в краже и неопровержимые улики казались доказанными, Чжуан Фэй взял вину на себя. Его собирались забить палками до смерти в назидание остальным, но Чжуан Цинхун из последних сил переломил ситуацию и добился того, чтобы Чжуан Фэя просто продали в другие руки.

Спустя три года после этого события род Чжуан пал.

Ещё через год Чжуан Фэй вновь появился на страницах истории. Эти четыре года выдались для него нелёгкими: его продали в семью купца. Хозяйство было небольшим, слуг не хватало, и он трудился на самых грязных работах, выбиваясь из сил. Хозяин этого дома сколотил состояние на искусной вышивке. За четыре года Чжуан Фэй расцвёл и стал невероятно хорош собой: хотя он и оставался слугой, кожа его напоминала тончайший шёлк и нефрит. Заметив, что хозяин явно положил глаз на Чжуан Фэя, хозяйка в спешке через торговца людьми сбывла парня на сторону, злобно стиснув зубы и приплатив десять лянов серебра с наказом продать его в самое грязное место.

И тогда Чжуан Фэй вновь встретил своего возлюбленного господина — ныне известного в Башне Длинного Ветра как Господин Учэнь. Однако Чжуан Цинхун так и не узнал Чжуан Фэя. Изначально Чжуан Фэй был всего лишь слугой, но работорговец заметил его привлекательную внешность, тайком провернул дело и напрямую продал Чжуан Фэя как человека из сословия цзяньцзи!

Будучи низкоранговым слугой, Чжуан Фэй всю жизнь провел на самом дне общества. Он совершенно не понимал всей подоплеки, пока к нему не пришел первый клиент. Тогда рухнул весь его мир, но у него не было сил сопротивляться, и ему оставалось лишь покориться судьбе. Позже, когда избили Чжуан Цинхуна, Чжуан Фэй, желая спасти его от участи, постигшей его самого, отправился умолять о пощаде князя. Однако князь раскусил, что тот испытывает к Чжуан Цинхуну романтические чувства. Сам князь давно положил глаз на Чжуан Цинхун, и в тот момент его гнев еще не утих. Чжуан Фэй стал для него громоотводом и не избежал участи быть забитым до смерти палками.

Вплоть до самой смерти Чжуан Цинхун даже не подозревал, что существовал человек, отдавший за него жизнь. Смерть эта оказалась совершенно бессмысленной, да и личность Чжуан Фэя он так и не признал.

Этот «Чжуан Фэй» знал лишь то, что происходило при его жизни. После смерти душа остается в мире три дня, а затем покидает его — таково правило первых трех дней, иначе душа превратится в мстительного призрака, станет земным духом — земным духом, а в конце концов лишится рассудка и будет жаждать лишь убийств, утратив саму суть своей души. Поэтому о событиях, происходивших после его гибели, «Чжуан Фэй» ничего не ведал. Умирая, он все еще тревожился о Чжуан Цинхуне; а в те самые первые три дня Чжуан Цинхун и вовсе скатился до положения проститута.

Именно поэтому «Чжуан Фэй» оказался накрепко заперт в собственной ловушке.

Чжуан Фэй полагал, что вполне способен понять оба условия контракта. Происхождение и жизненный путь «Чжуан Фэя» были таковы, что его кругозор просто не мог быть широким — у него слишком узкий взгляд на вещи и чересчур скудный жизненный опыт. Оттого и желания его оказались донельзя примитивными, но никто не смел ставить под сомнение искренность его чувств.

Впрочем, сейчас Чжуан Фэй остался весьма доволен: по крайней мере, эти две задачи выполнить было очень легко. Он вовсе не филантроп, который, бродя по чужим снам, стремится к абсолютной безупречности во всем — ему нужна лишь сила их душ.

Точно так же было и с Жун Сином: тот не дожил до смерти родителей, ведь условием было обеспечить им старость, в которой они ни в чем не будут нуждаться, а Янь Цзинь должен был подарить им безмятежные преклонные года.

Но и обманывать он не собирался, выискивая лазейки в тексте — в конце концов, контракт налицо, и он выполнил все требования идеально, да вдобавок еще несколько лет провел рядом с Янь Цзинем, поскольку тот был дорог сердцу «Жун Сина».

Чжуан Фэй открыл глаза и мысленно вздохнул. Тот господин вовсе не пылал страстью к мужчинам — просто нашел внешность Чжуан Фэя приятной и задержал на нем взгляд дольше обычного, хозяйка же дома, снедаемая паранойей и подозрениями, взяла да и продала парня.

Он прижался спиной к деревянной стене повозки. Экипаж был крайне убогим, бортик больно впивался в копчик — от излишней худобы кости соприкасались напрямую с досками. Чжуан Фэй тихонько втянул воздух: боль была не слишком сильной, скорее неприятной из-за самого положения тела, но оставалось лишь терпеть.

Куда более насущной проблемой было то, что его вот-вот должны продать на Землю Забвения. Ему требовалось отыскать удобный момент, чтобы прощупать почву и провернуть всё так, чтобы с самого начала не оказаться в невыгодном положении.

К счастью, Земля Забвения находилась далеко от дома прежнего хозяина — в пути предстояло провести еще два дня. Особенно учитывая, что эта кляча работала на пределе возможностей, а значит, они плелись еще медленнее. Чжуан Фэй бросил взгляд на остальных детей в повозке: он был здесь самым старшим, остальным же исполнилось всего по восемь-девять лет, а самому младшему едва ли ровно пять или шесть. Самому Чжуан Фэю в этом году стукнуло пятнадцать, тогда как Чжуан Цинхуну на данный момент исполнилось всего семнадцать.

К тому же в этот момент Чжуан Цинхун, должно быть, уже устроился весьма неплохо и наверняка успел раздобыть немало улик.

В этом мире возраст оказался еще меньше, чем в прошлый раз, зато с обществом приходилось

сталкиваться гораздо плотнее, и социум этот был сложнее во много раз. И он, и Чжуан Цинхун сейчас являлись самыми настоящими, прожженными жизнью людьми.

К полудню работорговец швырнул им пару черствых лепешек и велел ехать дальше без остановок, даже когда стемнело. Они находились в окрестностях столицы, так что здесь было вполне безопасно даже ночью — никаких шальных разбойников. Разобравшись с этой партией «товара», негодяй планировал заняться следующей.

Погода испортилась: едва наступила ночь, как затянул мелкий дождик. Ругаясь на чем свет стоит, работорговец был вынужден подыскать постоянный двор на ночлег. Заведение оказалось хорошо знакомым, они сотрудничали давно, так что ему сразу выделили отдельные комнаты, где за детьми было удобно присматривать, чтобы те не сбежали.

Тем не менее работорговец оставался раздражен, особенно из-за того, что не знал, сколько продлится этот дождь и сколько хлопот он ему доставит.

Хорошо хоть удалось заполучить красивого паренька да еще десять лямов серебра впридачу. Работорговец похлопал по твердому мешочку с монетами на груди, и на душе у него сразу стало чуть легче. Успокоившись, он снова принялся разглядывать Чжуан Фэя, невольно признавая, что у того и впрямь выдающаяся внешность... Или ему мерещится? Сегодня этот пацан выглядел даже красивее, чем в предыдущие два дня.

До чего же хорош, сплюнул работорговец. Именно из-за такой красоты его и взяла хозяйка, сослав на Землю Забвения.

При мысли о Земле Забвения в груди работорговца невольно шевельнулось предвкушение: если этого паренька сбыть как продажного мальчика, он принесет куда больше серебра, чем простой слуга. Глава 3: Воззрение ничтожных

Обитель забвения была местом совершенно особенным.

В Поднебесной династии Великая Чжоу царил мир и покой, культура, экономика и индустрия развлечений процветали, однако законы действовали суровые, и занятие проституцией каралось законом.

<http://bllate.org/book/21679/2236323>